

---

---

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

---

---

СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ  
В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ  
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

© 2016 г. Галина Николаевна Ветрова<sup>1</sup>

*В статье рассматривается содержание принципа состязательности и равноправия сторон, как оно отразилось в соответствующих решениях Конституционного Суда по проверке отдельных положений уголовно-процессуального законодательства на предмет их соответствия Конституции РФ. В ней также освещается и доктринальное толкование принципа состязательности, какое сложилось исторически в российской правовой науке. Раскрывается значение решений Конституционного Суда в определении вектора развития законодательства об уголовном судопроизводстве и формировании правоприменительной практики в целях последовательной реализации принципа состязательности и связанных с ним демократических начал судопроизводства.*

*The article examines the principles of adversary and equality of participants according to the legal positions of the Constitutional Court when verifying the constitutionality of criminal procedure law provisions. The doctrinal interpretation of adversarial principle is also given. Importance of legal positions of the Constitutional Court in the implementation of adversarial principle and the democratic basis of judicial proceedings is emphasized.*

**Ключевые слова:** состязательность, равноправие сторон, Конституционный Суд РФ, уголовное судопроизводство, принцип процесса, права личности, процессуальные гарантии.

**Key words:** adversary, equality of participants, Constitutional Court of the Russian Federation, criminal proceedings, procedural principles, human rights, procedural guarantees.

“Закон – только то,  
что воплотилось в слове”  
(Е.В. Васильковский)

1. Положение ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, определившее состязательность и равноправие сторон как основу уголовного судопроизводства, в достаточной мере конкретно и, казалось бы, не предполагает какого-либо иного смысла, чем тот, что вытекает из буквального (грамматического) толкования. Однако уяснение содержания данной конституционной нормы невозможно без обращения к нормам процессуального законодательства и к доктринальному толкованию принципа состязательности. Проблема здесь заложена изначально в силу того, что состязательность в теории процесса понимается далеко не однозначно.

Конституционный Суд РФ в своей деятельности не даёт толкования понятий, используемых в тек-

сте Конституции, и в своих решениях использует тот понятийный аппарат, какой разработан теорией права и отраслевыми правовыми науками. Поэтому и содержание понятия “состязательность” не раскрывается в решениях Конституционного Суда. Однако анализ его постановлений позволяет вынести определённые суждения относительно того, какие представления о состязательности в уголовном судопроизводстве служат основой для выводов о соответствии или несоответствии тех или иных законоположений уголовно-процессуального законодательства ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

2. “Правильное понимание общего смысла нормы во многом зависит от того или иного представления о её цели”<sup>2</sup>. Интерпретация ч. 3 ст. 123 Конституции невозможна без обращения к целям и мотивам, обусловившим её введение в систему конституционного правового регулирования<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук (E-mail: galina.vetrova@mail.ru).

Galina Vetrova, associate Professor, Department of criminal procedure, justice and prosecutorial supervision of the law faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov, Doctor of Law (E-mail: galina.vetrova@mail.ru).

<sup>2</sup> Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации. Теория и практика. М., 1998. С. 19.

<sup>3</sup> Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 447 (автор соотв. гл. – А.В. Осипов).

Конституция РФ разрабатывалась и принималась в период активной фазы судебной реформы, первой задачей которой было создание самостоятельной и независимой судебной власти. И устройство уголовного судопроизводства на началах состязательности было призвано служить организации независимого и справедливого правосудия. Поэтому главная идея, определившая социальную цель данного положения Конституции, – освобождение суда от функций, чуждых правосудию, прежде всего от обвинительной. Ставилась задача ограничения розыскных начал в организации уголовного судопроизводства.

Реализация социальных целей конституционной нормы, выраженной в ч. 3 ст. 123, через задачи уголовного судопроизводства предписывает такие формы процессуальной деятельности, в которых принципу состязательности отведена определяющая роль в защите прав личности.

Конституционная норма зафиксировала состязательность и равноправие сторон как сущностную черту судопроизводства. Поэтому с точки зрения правовых целей она предопределила закрепление в законодательстве состязательности как принципа процесса и, соответственно, форму процессуальных институтов с учётом данного принципа. Это потребовало перестройки многих процессуальных институтов. До принятия УПК РФ 2001г. задача решалась Конституционным Судом РФ.

3. Если иметь в виду словесную формулировку ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, которая определяет: судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, – то её смысл заключается в том, что состязательность должна стать основой уголовно-процессуальной формы.

Проблема заключается в том, что в теории уголовного процесса нет однозначного понимания принципа состязательности, вернее его компонентов, что порождает разные суждения относительно того, каким образом конституционное веление должно воплотиться в реалиях конкретных правил уголовного судопроизводства. Кроме того, согласно исторической традиции термином “судопроизводство” в российской правовой науке обозначается весь уголовный процесс, т.е. им охватывается и досудебное производство<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Такое понимание термина закрепилось с тех пор, когда предварительное следствие осуществлялось судебными следователями (с 60-х годов XIX в.), которые являлись чиновниками судебного ведомства.

Выявление конституционно-правового содержания принципа состязательности позволит ответить на вопрос: должно ли быть состязательным и досудебное производство, чтобы соответствовать конституционной норме? Заложена ли такая правовая цель в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ? Получается, что ясная и понятная, на первый взгляд, формулировка оказывается не такой уж и ясной. Раскрытие подлинного смысла и сути правового предписания – задача толкования<sup>5</sup>.

Согласно теории толкования для прояснения содержания правовых норм необходимо учитывать системные связи норм, их место в соответствующей главе нормативного акта, а также логическую взаимосвязь с иными правовыми положениями (требование системности толкования)<sup>6</sup>.

Правило о том, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123), обращено ко всем видам судопроизводства: конституционному, гражданскому, административному и уголовному (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ). Однако названные виды судопроизводств имеют существенные отличия по форме. Два из них: административное и уголовное, – в своей структуре содержат досудебное производство, т.е. этап процессуальной деятельности, подготавливающий судебное разбирательство.

В гл. 7 “Судебная власть и прокуратура” Конституции РФ определены основы организации и функционирования судебной власти: существенные элементы судебной системы, базовые положения о статусе судей, важнейшие гарантии их независимости. Содержание этой главы Конституции имеет своим адресатом судебный порядок, т.е. то общее, что объединяет все виды судопроизводств. Статья 123 (в четырёх частях) устанавливает базовые принципы судебной деятельности: гласность, состязательность, участие представителей народа в правосудии, – которые

<sup>5</sup> Е.В. Васильковский писал: “Задача толкования норм может быть определена наиболее точным образом так: толкование должно воспроизвести те представления и понятия, которые связывал с данной нормой её создатель. ... Задачу толкования можно ещё формулировать как “раскрытие содержания нормы”, или “развитие её смысла”, или “выяснение мысли и воли законодателя” (см.: Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 83).

<sup>6</sup> См.: Эбзеев Б.С. Толкование Конституции и иных законов Российской Федерации Конституционным Судом // Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. С. 451–458; Общая теория государства и права. Академический курс. В 3-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2002. С. 473–484 (автор соотв. главы – А.Ф. Черданцев).

обеспечивают демократический характер правосудия и являются процессуальными гарантиями независимости судебной власти. Таким образом, ст. 123 Конституции определяет основные черты именно судебной деятельности и не имеет своим адресатом досудебное уголовное производство<sup>7</sup>.

По правилам толкования, если в тексте одной статьи закона используются одинаковые понятия, их содержание равнозначно. Термин “судопроизводство” используется как в ч. 3, так и в ч. 4 ст. 123 Конституции РФ. В последней речь идёт об участии присяжных заседателей в судопроизводстве. Взаимосвязь всех частей ст. 123 с очевидностью указывает на целевую направленность содержащихся в ней предписаний. Они устанавливают принципы *судебного* процесса независимо от вида судопроизводства и в социальном плане создают очертания судебных порядков, что должно учитываться в конкретных областях законодательного регулирования. Следовательно, *конституционно-правовое содержание принципа состязательности связывается только с судебной деятельностью*. Соответственно этому содержанию те компоненты, которые формируют природу состязательности, должны быть выражены в процессуальных институтах, относящихся к судебному производству<sup>8</sup>.

4. Деятельность Конституционного Суда РФ по интерпретации конституционного положения о состязательности применительно к процедурам уголовного судопроизводства можно разделить на два периода. Первый этап – это проверка ряда положений УПК РСФСР на предмет их соответствия конституционному принципу состязательности, а также связанным с этим принципом другим положениям Конституции (ч. 1 ст. 46; ст. 52; ч. 1 и 2 ст. 118; ч. 1 ст. 120) в связи с жалобами граждан и по соответствующим запросам судов. Второй этап – это оценка по запросам и по жалобам граждан уже законоположений УПК РФ на предмет их соответствия ч. 3 ст. 123 Конституции РФ.

<sup>7</sup> В изданных Комментариях Конституции ст. 123, в том числе и её ч. 3, трактуется в русле принципов *судебного* процесса (см., например: Комментарий к Конституции Российской Федерации. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Отв. ред. Л.А. Окуньков. М., 1996. С. 532–536; Конституция Российской Федерации. Науч.-практ. комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997. С. 614–619).

<sup>8</sup> В п. 56 ст. 5 УПК РФ понятие “уголовное судопроизводство” дано легальное определение, что позволило рассматривать принцип состязательности как основу всего уголовного процесса. Толкование ст. 15 УПК РФ в контексте возможной состязательности досудебного производства и разбор дискуссий по этому вопросу выходят за рамки настоящей статьи.

Выявленная в решениях Конституционного Суда РФ по проверке конституционности норм УПК РСФСР 1960 г. сущность состязательного начала в судопроизводстве по уголовным делам предопределила во многом содержание соответствующих законоположений в УПК РФ 2001 г. Учитывая те содержание и значение, каковые имеют решения Конституционного Суда, которыми интерпретируются положения уголовно-процессуального законодательства с позиций их соответствия конституционным нормам, трудно не признать их правотворческого характера<sup>9</sup>.

Толкование состязательности в решениях Конституционного Суда РФ базируется на положениях теории уголовного процесса, на выработанных отечественной и зарубежной доктриной представлениях о том, что составляет суть (смысл, содержание) состязательности; во внимание принимается также практика Европейского Суда по правам человека по вопросам толкования ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

5. Отечественная теория уголовного процесса термин состязательность известен со времён судебной реформы 1864 г. В ст. 632, 630 Устава уголовного судопроизводства речь шла о “судебном состязании сторон”, о равных правах сторон обвинения и защиты представлять доказательства, заявлять отводы, опровергать доводы и объяснения другой стороны.

В научных трудах второй половины XIX – начале XX в. состязательность не враждовала с истиной, наоборот, рассматривалась как средство достижения истины в процессе. “Состязательное начало составляет душу современных как гражданских, так и уголовных процессов. Оба процесса эти стремятся к обнаружению материальной истины”, – писал В.К. Случевский<sup>10</sup>. Активность суда не подвергалась сомнению. Задача суда разрешать дело в соответствии с обстоятельствами, имевшими место в действительности (требование установления материальной истины), неотделима от права суда совершать самостоятельные действия по установлению этих обстоятельств. По мнению И.Я. Фойницкого, “суд уголовный может и даже обязан употребить все находящиеся в распоряжении его средства для полного разъяснения себе дела”<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> См.: *Эбзеев Б.С.* Указ. соч. С. 456; *Марченко М.Н.* Источники права. М., 2005. С. 400, 401; *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003. С. 44, 45.

<sup>10</sup> *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. I. Судостроительство. М., 2008. С. 77, 78.

<sup>11</sup> *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. Т. I. СПб., 1996. С. 64.

Активность суда в полной мере зависит от активности сторон. Чем более активны стороны, тем меньше оснований у суда по своей инициативе совершать действия, направленные на получение новых доказательств.

В советский период истории науки отношение к состязательности не было однозначным, как и в настоящее время. Предмет дискуссий – содержание состязательных начал, место и роль суда в процессе. К примеру, в одном из учебников 1956 г. отмечалось: “В сущности, состязательность в советском уголовном процессе является не чем иным, как правом обвиняемого на защиту, поскольку защищаться – это и значит представлять возражения против предъявленного обвинения”<sup>12</sup>.

В трудах авторов, наследовавших гуманитарные идеи учёных дореволюционного периода и признававших наличие состязательности при рассмотрении дел в судах, её содержание складывалось из следующих элементов: а) отделение функций обвинения и защиты от собственно судебской деятельности; б) наличие сторон и их процессуальное равноправие в ходе судебного разбирательства; в) активная роль суда, направляющего состязание сторон к цели установления истины<sup>13</sup>.

Н.Н. Полянский, давая оценку известной работе М.С. Строговича “Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности” (1939 г.), высказал мысль, которая и ныне актуальна. В зависимости от того, как понимается начало состязательности, как оно регламентируется законодательством, в значительной мере определяется природа процесса<sup>14</sup>. По мысли М.С. Строговича, проблема состязательности есть важнейшая проблема природы процесса, всего построения процессуальной формы.

6. Природа процесса во многом зависит от места и роли состязательных начал на разных этапах судопроизводства. Российский уголовный процесс исторически сложился как смешанный тип

уголовного процесса, в котором на этапе досудебного производства доминирует следственное начало.

О практической сложности распространения состязательных начал на предварительное следствие ещё в начале XX в. писал В.К.Случевский. Он отмечал недостижимость главного условия состязательности – равноправия сторон на данном этапе судопроизводства. “Для жизненного осуществления этого принципа недостаточно признания равенства в правах сторон, а нужно, чтобы оно проявлялось и в равенстве средств их действия”<sup>15</sup>.

Модель смешанного уголовного процесса была закреплена процессуальным кодексом 1960 г. УПК РСФСР, хотя в ст. 245 и провозглашал равенство прав участников судебного разбирательства, однако содержал много положений, в корне противоречащих принципу состязательности. В большей степени это был розыскной тип процесса. Он не отвечал основному требованию состязательного начала в судопроизводстве – разграничению процессуальных функций, прежде всего функций обвинения и судебного разрешения дела (правосудия). Учреждённый на основании Закона РФ от 16 июня 1993 г.<sup>16</sup> суд присяжных оказал значительное влияние на развитие всего процессуального законодательства в направлении внедрения в него состязательных начал.

В ст. 429 УПК РСФСР был сформулирован принцип состязательности: “Предварительное слушание и производство в суде присяжных основываются на принципе состязательности. При этом обеспечивается равенство прав сторон, которым суд, сохраняя объективность и беспристрастие, создаёт необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела”.

Содержание данной статьи диссонировало с положениями Кодекса, которые определяли порядок рассмотрения дел иным составом суда. Первоначально именно раздел УПК РСФСР, регламентирующий порядок производства в суде с участием присяжных заседателей, отразил некоторые содержательные аспекты принципа состязательности, которые позднее нашли отражение в соответствующих постановлениях Конституционного Суда РФ и затем были зафиксированы в законодательстве.

В разд. X УПК РСФСР “Производство в суде присяжных” роль суда определялась иначе по

<sup>12</sup> Советский уголовный процесс / Под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 229.

<sup>13</sup> “Состязательность предполагает не только отделение функций защиты и обвинения от собственно судебной функции, но и процессуальное равноправие сторон: о состязании сторон можно говорить только тогда, когда противники вооружены равными процессуальными доспехами... Только равноправие сторон является гарантией всестороннего расследования и рассмотрения дела”, – писал Н.Н. Полянский (см.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 202).

<sup>14</sup> См.: Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960. С. 83.

<sup>15</sup> Случевский В.К. Указ. соч. С. 82.

<sup>16</sup> Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1993. № 33. Ст. 1313.

сравнению с теми процедурами, в которых осуществлялось рассмотрение дел обычным порядком. Прежде всего суд лишился полномочия возбуждать дело по новому обвинению или в отношении нового лица (ч. 2 ст. 429 УПК РСФСР). Задача суда состояла в обеспечении равенства прав сторон, в создании при сохранении объективности и беспристрастности необходимых условий сторонам для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. Акцент, видимо, смещался с активной деятельности суда в сторону активной деятельности сторон в процессе. Дело могло быть направлено для дополнительного расследования лишь по ходатайству сторон. При этом основания для дополнительного расследования во многом ограничивались. Лишь выявление новых, имеющих существенное значение обстоятельств, исследование которых в судебном заседании было невозможно, влекло возвращение дела для дополнительного расследования со стадии судебного разбирательства. По собственной инициативе судья мог вернуть дело для дополнительного расследования ввиду существенных нарушений процессуального закона только с этапа предварительного слушания.

Отказ прокурора от обвинения полностью или в части обязывал суд прекратить производство по делу, соответственно, полностью или в части (ч. 2 ст. 430 УПК РСФСР). Потерпевший как самостоятельная сторона в процессе мог не согласиться с позицией государственного обвинителя при отказе последнего от обвинения. Если потерпевший возражал против прекращения дела, судебное разбирательство должно было быть продолжено, «но лишь в объёме тех эпизодов обвинения, по которым гражданин, пострадавший от преступления, признан потерпевшим»<sup>17</sup>.

Ограничение полномочий суда в решении ряда вопросов определялось сущностью состязательных начал и было связано главным образом с недопущением вторжения в сферу полномочий обвинительной власти<sup>18</sup>.

Регламентация полномочий суда в разд. X УПК РСФСР, в основе которой лежал принцип состязательности, принципиально отличалась от всей остальной правовой материи, определявшей в остальной части порядок судопроизводства. Возобновились дискуссии о содержании принципа состязательности, о составляющих его элементах. Узловым в научных спорах стал вопрос: допускается ли активность суда при состязательном построении судебного разбирательства и если допускается, то в каких пределах?

Формулировки ст. 429 УПК РСФСР вовсе не давали оснований для суждений о пассивной роли суда в исследовании доказательств, как и формулировка принципа состязательности в ст. 15 УПК РФ.

7. Задача создавать необходимые условия сторонам для реализации ими процессуальных прав в состязательном судебном разбирательстве не означает, что законодатель отводит суду пассивную роль. Точка зрения, что пассивность суда – «атрибут состязательности в уголовном процессе», не имеет опоры в законодательном регулировании процесса доказывания. И.Л. Петрухин писал: «Пассивность лишь в исследовании доказательств, а не в руководстве ходом судебного разбирательства... Активная роль суда – достояние инквизиционного процесса. В состязательном же судопроизводстве исследование доказательств производят стороны, а судья лишь следит, чтобы при этом не нарушался процессуальный регламент»<sup>19</sup>.

Точка зрения о пассивной роли суда обосновывалась тем, что стороны в ходе судебного разбирательства наделены равными правами, «и вмешательство суда в пользу одной из них скорее всего приведёт к определённом уклону»<sup>20</sup>. При этом отмечалось, что даже пассивность сторон не является основанием для «подмены сторон в доказывании». Автора не смущает ситуация, что неэффективное или неумелое пользование сторонами своими правами в доказывании, как она пишет, «может привести суд к неправильному пониманию определённых обстоятельств»<sup>21</sup>. Будет ли в таком случае приговор суда законным,

<sup>17</sup> Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных» от 20 декабря 1994 г. (утр. силу в связи с принятием постановления Пленума от 22 ноября 2005 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>18</sup> В отличие от процедуры с участием присяжных заседателей по общим правилам судопроизводства судья мог вносить изменения в обвинительное заключение относительно как фактической стороны вменяемого обвиняемому деяния (например, исключить некоторые эпизоды преступной деятельности), так и юридической оценки (к примеру, изменить квалификацию деяния на другую статью Уго-

ловного кодекса, предусматривающую ответственность за менее тяжкое преступление – ст. 223<sup>1</sup> УПК РСФСР).

<sup>19</sup> Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М., 2004. С. 124.

<sup>20</sup> Кошелева И.В. О роли суда в состязательном уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (К 5-летию УПК РФ). М., 2007. С. 155.

<sup>21</sup> Там же.

обоснованным и справедливым, как того требует ст. 297 УПК РФ? По логике рассуждений автора, *любой* приговор, основанный на доказательствах, представленных сторонами, будет законным и обоснованным.

Оценка доказательств судом предполагает вывод о достоверности доказательств и о достаточной их совокупности для заключения относительно установления обстоятельств по делу. Активная мыслительная деятельность невозможна без права на активные действия по исследованию доказательств. Речь не идёт о подмене сторон в доказывании. У сторон и у суда в процессе доказывания, что происходит в ходе судебного разбирательства, свои задачи. Но все они решаются одними действиями, правда, совершаемыми с разными целями. Поэтому исследование доказательств судом имеет цель иную, чем сторонами. Суд должен убедиться не только в относимости и допустимости доказательств, но и в их достоверности, а также в их достаточности для определённых выводов об обстоятельствах дела. Это – самостоятельная и независимая оценка доказательств. Поэтому суд не может быть лишён права на те действия, которые позволяют ему выполнить эту задачу: задавать вопросы допрашиваемым лицам после допроса их сторонами, осматривать и исследовать предметы и документы и т.д.

К счастью, законодатель не согласился с ролью суда как пассивного арбитра. «Статус суда в процессе доказывания определяется характером найденного законодателем компромисса между его обязанностью выносить законные и обоснованные решения, с одной стороны, и необходимостью сохранить чёткую границу, отделяющую функцию правосудия от функции обвинения, – с другой»<sup>22</sup>.

8. До принятия в 2001 г. нового УПК РФ Конституционный Суд своими решениями «подтягивал» правовое регулирование порядка судопроизводства к уровню, в большей степени соответствующему принципу состязательности.

Важнейшими в этом плане были решения Конституционного Суда, признавшие неконституционными нормы УПК РСФСР, наделявшие суд полномочиями возбуждать уголовные дела<sup>23</sup>, по

собственной инициативе возвращать уголовные дела для дополнительного расследования по основанию неполноты произведённого дознания или предварительного следствия, а также в связи с необходимостью предъявления другого обвинения либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся от того, что содержится в обвинительном заключении<sup>24</sup>. Указанным постановлением также была признана не соответствующей состязательному началу обязанность суда продолжать судебное разбирательство при отказе прокурора от обвинения.

Согласно позиции Конституционного Суда принцип состязательности определяет функциональное построение судопроизводства, в соответствии с которым функция суда отделена от других процессуальных функций. Полномочия суда по возбуждению уголовного дела, возвращению для дополнительного расследования по вышеуказанным основаниям, а также полномочие на продолжение разбирательства при отказе прокурора от обвинения по своему содержанию являются выражением функции уголовного преследования.

В названном постановлении от 20 апреля 1999 г. Конституционный Суд так определил судебную функцию: «Разрешая дело, суд на основе исследованных в судебном заседании доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в данном деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. При этом состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшими»<sup>25</sup>.

Если суд при отсутствии ходатайств сторон по собственной инициативе возвращает дело для дополнительного расследования по основанию неполноты проведённого расследования или по

положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П.Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» от 14 января 2000 г. // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>22</sup> Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2006. С. 50, 51.

<sup>23</sup> Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» от 28 ноября 1996 г.; постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности отдельных

<sup>24</sup> Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижний Новгород» от 20 апреля 1999 г. // Там же.

<sup>25</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. // Там же.

мотиву необходимости изменения обвинения на более тяжкое, то тем самым суд инициирует продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинительного тезиса, что в корне противоречит природе состязательности.

В соответствии с состязательным началом суд разрешает вопрос об уголовной ответственности, который ставит обвинительная власть. При этом само содержание вопроса – это позиция обвинительной власти о характере и объёме обвинения, которое может изменяться только самой обвинительной властью, если речь идёт об изменении обвинения на более тяжкое, поскольку это означает “добавление притязаний” стороны обвинения на удовлетворение своих требований (в контексте концепции уголовного иска). Что касается возможности изменения самим судом содержания и объёма обвинения в сторону смягчения уголовной ответственности, то данное полномочие в указанном контексте означает удовлетворение требований обвинительной власти в меньшем объёме и не противоречит состязательности. Но содержание обвинения не может изменяться существенно по фактической стороне, даже если речь идёт о возможности смягчения уголовной ответственности, поскольку это осложняло бы положение стороны защиты и нарушало бы баланс сил состязующихся сторон.

Отказ прокурора от обвинения устраняет предмет судебного разбирательства – публичное обвинение. Поэтому совершенно логично прекращение уголовного преследования. При продолжении судебной деятельности функция поддержания обвинения переходит фактически к самому суду, “и он должен обеспечить выявление и исследование обосновывающих данное обвинение доказательств”<sup>26</sup>. В такой ситуации сторона, осуществляющая функцию защиты, оказывается в худшем положении, поскольку суд принимает на себя дополнительно выполнение процессуальной функции стороны обвинения, начинает решать задачи, ответственность за выполнение которых в силу принципа разделения властей лежит на органах уголовного преследования.

Позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в названных выше решениях, вызвала и ряд критических откликов, особенно по вопросу, связанному с отказом прокурора от обвинения. Аргументы в целом сводились к тезисам: 1) о нарушении самостоятельности и независимости суда, если он обязывается следовать позиции прокурора, отказавшегося от обвинения; 2) об-

винение, сформулированное в итоговом обвинительном документе (заключении, акте, постановлении), осуществляется от имени государства, и потому отдельно взятое должностное лицо не вправе брать на себя решение такой задачи – отказываться от обвинения и тем самым от уголовного иска, который носит публичный характер. Приводились ссылки на законодательство европейских стран, где вообще не предусматривается права прокурора отказаться от обвинения, например во Франции<sup>27</sup>.

Поскольку немаловажное значение имеет конституционный характер принципа состязательности, то его содержание должно связываться *в целом с системой уголовно-процессуальных институтов*, определяющих природу уголовного судопроизводства. Поэтому роль состязательности неправильно сводить только к спору сторон в судебном заседании, к предоставлению им равных возможностей (правовых средств) в отстаивании своих интересов. Это было бы сужением содержания конституционного принципа состязательности.

Это вовсе не обязывает отказаться от той модели уголовного процесса, в соответствии с которой в его структуре имеется досудебное производство, в основе которого лежит следственное (розыскное) начало. Состязательный процесс, как таковой, – это судебный процесс. Однако природа принципа как *доминанты* в системе процессуальных норм такова, что требует, чтобы в соответствии с его содержанием формулировались и другие процессуальные институты, прежде всего связанные с разграничением процессуальных функций обвинительной и судебной властей. Принцип состязательности не ограничивает ни самостоятельности, ни независимости суда в пределах осуществляемой им функции правосудия.

Границы самостоятельности очерчены задачами, решаемыми судом (функцией правосудия). Соответственно, должны регламентироваться полномочия суда по принятию тех или иных решений. Суд разрешает вопрос, поставленный обвинительной властью. И если этот вопрос не поставлен (отказ от обвинения – это отказ от пос-

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> См.: Головкин Л.В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Гос. и право. 2012. № 2. С. 50–67. Относительно того, как в иных системах законодательства решается проблема соотношения состязательных и следственных (инквизиционных) начал в правовом регулировании процессуальной деятельности, и в частности отказа прокурора от обвинения, – вопрос выбора, вопрос политики права.

тановки вопроса), то у суда не возникает и соответствующей задачи по его разрешению<sup>28</sup>.

По поводу второго аргумента в защиту точки зрения, что суд не должен быть связан позицией прокурора при его отказе от обвинения, можно сказать следующее. Тезис о том, что суд своим решением даёт ответ не конкретному обвинителю, а обвинительной власти, чья воля объективирована в обвинительном заключении (ином документе), искажает, вернее, переводит в другую плоскость отношения между обвинительной властью и судом. Обвинительная власть выражает свою волю через действия должностных лиц, наделённых полномочиями в соответствии с законом. И, действуя от имени этой власти, прокурор в суде отстаивает позицию, изложенную в обвинительном заключении. Если мы признаём его стороной, то он согласно логике процессуальной деятельности по доказыванию должен действовать не как безликий участник процесса, а в соответствии с теми реалиями, что даёт судебное следствие. Посему и позиция его может меняться. Если суд не будет принимать это во внимание, то в таком случае мы теряем сторону публичного обвинения в процессе. У нас получается обезличенное публичное обвинение. При такой трактовке обвинения участие прокурора в судебном заседании не является обязательным, что и было в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. И суд выступал в двух ипостасях: и как обвиняющая власть, и как власть судебная. Такой вариант правового регулирования тоже возможен, но он находится в противоречии с состязательностью.

Все ситуации, когда суд обязывается оказать помощь обвинительной власти в поисках аргументов для обвинения, противоречат не только принципу состязательности, но и принципу презумпции невиновности. Тезис о всеобъемлющей самостоятельности суда способен похоронить идею разграничения процессуальных функций как основу состязательности и, как следствие, — оба этих конституционных принципа.

9. Из решений Конституционного Суда, интерпретирующего состязательность уголовного

судопроизводства применительно к конкретным процессуальным институтам, нельзя вывести суждение о том, что состязательность исключает активные действия суда в процессе доказывания и несовместима с установлением истины по делу.

Вопрос об истине в уголовном процессе — это вопрос о достоверно установленных фактах. Обвинительный приговор должен отражать истину относительно фактов и обстоятельств, инкриминируемых обвиняемому, которые образуют фактическое основание судебного решения. Точка зрения по данному вопросу нашла выражение в известном постановлении Конституционного Суда от 8 декабря 2003 г., где указано, что “правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. В рамках уголовного судопроизводства это предполагает по меньшей мере *установление реальных обстоятельств происшествия* (выделено мной. — Г.В.), в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причинённого обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния”.

Сосуществование принципов состязательности и презумпции невиновности служит надёжной гарантией установления истины по делу, понимаемой как достоверное, соответствующее действительности установление фактов, вменяемых в вину обвиняемому, и, следовательно, — гарантией справедливого правосудия.

Активность суда в доказывании — это активность в исследовании доказательств, представленных сторонами, самостоятельность в их оценке. Такая позиция относительно роли суда лежит в основе законодательного регулирования его полномочий в ходе судебного следствия. Конституционный суд, хотя прямо и не высказывался по этому вопросу, но на основе тех положений постановлений, где речь идёт об обоснованности судебных решений, необходимости правильного установления фактических обстоятельств дела, можно судить, что им не предполагается отведение суду пассивной роли при состязаящихся сторонах<sup>29</sup>.

Состязательность предполагает определённую социальную активность участников процесса по защите своих интересов. Задачей правового ре-

<sup>28</sup> Здесь не рассматривается вопрос о праве потерпевшего участвовать в уголовном преследовании по делам публичного обвинения. Поскольку он является самостоятельной стороной в процессе, его позиция должна быть доведена до суда (см. постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан” от 8 декабря 2003 г. // СПС “КонсультантПлюс”).

<sup>29</sup> См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2013 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

гулирования в русле укрепления состязательных начал является создание правовых стимулов для активной роли сторон в доказывании.

В определении от 21 декабря 2004 г. по жалобе гр-на Пятничука П.Е. Конституционный Суд указал, что исключается “возможность произвольного отказа должностным лицом или органом, осуществляющим предварительное расследование, как в получении доказательств, о которых ходатайствует сторона защиты, так и в приобщении представленных ею доказательств к материалам уголовного дела”<sup>30</sup>. Данное положение в равной мере относится и к обеспечению прав потерпевшего и его представителей на участие в доказывании. При отказе в удовлетворении таких ходатайств должны приводиться конкретные правовые мотивы, которые не позволяют удовлетворить ходатайство стороны об исследовании доказательства. Необоснованный отказ стороне в исследовании доказательств будет являться грубым нарушением принципа равноправия сторон и справедливости судебного разбирательства.

Хотя в УПК РФ и включена состязательность сторон в систему принципов судопроизводства, однако до конца не решена задача выравнивания прав сторон по отстаиванию своих интересов перед судом на разных этапах производства по уголовному делу. Заботой ряда решений Конституционного Суда стали права потерпевшего в уголовном процессе. В своём постановлении от 8 декабря 2003 г. Суд подтвердил ранее высказанную позицию по вопросу о последствиях отказа прокурора от обвинения, несколько скорректировав её. Согласно правовой позиции Конституционного Суда отказ прокурора от обвинения и соответствующее судебное решение могут иметь место лишь по завершении исследования доказательств и заслушивания судом мнений сторон в ходе судебных прений, что гарантирует потерпевшему право на доступ к правосудию и возможность обжалования соответствующего судебного решения<sup>31</sup>.

Представляет интерес проблема, должна ли приниматься во внимание позиция потерпевшего

по вопросам характера и объёма обвинения при рассмотрении дела в суде. В более позднем постановлении Конституционный Суд отметил, что, поскольку потерпевший выступает в качестве субсидиарного участника на стороне обвинения, федеральный законодатель не должен придавать позиции потерпевшего решающее значение по делам о преступлениях, преследуемым в порядке публичного обвинения<sup>32</sup>.

В этой связи представляет интерес правовая позиция Конституционного Суда относительно правила *reformatio in pejus* (изменение к худшему).

Применительно к правовому институту пересмотра судебных решений, вступивших в законную силу, Конституционный Суд РФ в постановлении от 17 июля 2002 г. отметил, что исправление судебной ошибки, допущенной на предыдущих этапах судебного разбирательства, в системе предусмотренных процедур допускает исключение из общего правила о запрете поворота к худшему, однако лишь в качестве *крайней меры*, когда неисправление судебной ошибки искажает саму суть правосудия<sup>33</sup>.

Иными словами, признаётся запрет поворота к худшему как общее правило, находящееся в единстве с принципом состязательности. Разграничению процессуальных функций, что составляет основу состязательности, соответствует положение, когда сторона обвинения формулирует содержание обвинительного тезиса (обвинение

<sup>32</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений частей второй и четвертой ст. 20, части шестой ст. 144, п. 3 части первой ст. 145, части третьей ст. 318, частей первой и второй ст. 319 УПК РФ в связи с запросами Законодательного собрания Республики Карелия и Октябрьского районного суда г. Мурманска” от 27 июня 2005 г. // Там же.

<sup>33</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 УПК РСФСР, ст. 41 УК РСФСР и ст. 36 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан” от 17 июля 2002 г. // Там же.

В данном постановлении со ссылкой на ранее принятые решения Суд отметил, что не будет соответствовать принципу состязательности полномочие надзорной инстанции отменять вступивший в законную силу приговор “со ссылкой на его *необоснованность* (выделено мной. – Г.В.), если в ходе предыдущего разбирательства не было допущено правонарушение, отвечающее критерию, указанному в пункте 2 статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав и свобод”. Самостоятельная оценка судом представленных сторонами доказательств и обоснованности поддерживаемого обвинения осуществляется в границах предмета спора.

<sup>30</sup> Определение Конституционного Суда РФ “По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” от 21 декабря 2004 г. // Там же.

<sup>31</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан” от 8 декабря 2003 г. // Там же.

в материально-правовом смысле) и тем самым определяет предмет уголовно-правового спора, подлежащего разрешению судом. Изменение содержания обвинения по фактической стороне деяния и, соответственно, его правовая оценка в худшую сторону судом по собственной инициативе противоречат основной идее состязательного судебного процесса, когда предмет подлежащего разрешению судом спора, в данном случае уголовно-правового спора, принадлежит сторонам.

10. В Постановлении от 2 июля 2013 г.<sup>34</sup> Конституционный Суд со ссылкой на конституционные нормы, в том числе и на ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, практически устранил из процесса правило о недопустимости поворота к худшему при судебном рассмотрении дела. При этом данная позиция Конституционного Суда противоречит позиции, ранее сформулированной в Постановлении от 20 апреля 1999 г., согласно которой признаны неконституционными положения закона, возлагающие на суд правомочие по собственной инициативе возвращать дело для дополнительного расследования по мотивам необходимости предъявления обвиняемому другого обвинения, более тяжкого или существенно отличающегося по фактическим обстоятельствам дела от ранее предъявленного. В обоснование своей позиции Суд сослался в том числе и на конституционный принцип состязательности судопроизводства.

Суть этой позиции Конституционного Суда в следующем. Если суд в ходе судебного разбирательства придёт к выводу, что фактические обстоятельства преступления, как они описаны в обвинительном заключении, свидетельствуют о наличии признаков более тяжкого преступления или когда судом будут установлены новые фактические обстоятельства, свидетельствующие о необходимости квалифицировать деяние как более тяжкое, в таких случаях суд может самостоятельно квалифицировать преступление по соответствующей статье Уголовного кодекса, предусматривающего ответственность за более тяжкое преступление.

Основной мотив новой позиции Конституционного Суда РФ – необходимость исправления судебной ошибки, допущенной органом уголовного преследования, – ошибки в квалификации.

Следует заметить, что правило, закреплённое в ст. 252 УПК РФ, предусматривалось и в советском

законодательстве (ст. 254 УПК РСФСР) и всегда рассматривалось как важная гарантия права обвиняемого на защиту, как условие, обеспечивающее состязательность судебного разбирательства<sup>35</sup>.

Квалификация деяния – это не арифметическое действие. И, хотя согласно теории квалификации преступлений квалификация преступного деяния представляется логической операцией, ей предшествует описание преступного деяния, всех фактических обстоятельств происшедшего в соответствии с диспозицией уголовно-правовой нормы. Изменение квалификации – это практически всегда иная оценка обстоятельств дела, объясняющая выбор конкретной нормы уголовно-правовой нормы. И это будет уже новая формула обвинения. В прежних своих решениях Конституционный Суд указывал, что формулирование обвинения – прерогатива обвинительной власти. В соответствии с принципом состязательности суд не должен формулировать обвинение. В ситуации, когда в судебном заседании будут получены доказательства, свидетельствующие о совершении обвиняемым более тяжкого преступления, то и в этом случае содержанием обвинения должен озаботиться государственный обвинитель.

Разрушение важнейшей процессуальной гарантии права на защиту при наличии достаточных правовых средств, с помощью которых возможны выявление и исправление ошибок в квалификации, не представляется соразмерной мерой. По собственной инициативе суд не должен по такому основанию возвращать дело прокурору. Данное решение возможно принять при заявлении ходатайства государственным обвинителем, потерпевшим, его представителем, а также гражданским истцом и его представителем, т.е. участниками процесса со стороны обвинения. Иное находится в противоречии с принципом состязательности.

Изложенная в Постановлении от 2 июля 2013 г. позиция Конституционного Суда послужила основанием дополнения ст. 237 УПК РФ новым положением, согласно которому не только по ходатайству стороны, но и по инициативе суда уголовное дело может быть возвращено прокурору по мотиву необходимости квалифицировать действия обвиняемого как более тяжкое преступление. Как бы ни хотелось данную позицию

<sup>34</sup> См.: постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда” от 2 июля 2013 г. // СПС “КонсультантПлюс”.

<sup>35</sup> Правило о запрете поворота к худшему было нормативно закреплено в ст. 26 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г., позднее – в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и в УПК РСФСР 1960 г. Это правило всегда рассматривалось как важнейшая гарантия свободы обжалования приговоров.

интерпретировать в духе соответствия её состязательным началам, она принципиально не отличается от тех положений УПК РСФСР (п. 3 ч. 1 ст. 232 УПК РФ), которые Постановлением Конституционного Суда от 20 апреля 1999 г. были признаны неконституционными именно в силу их противоречия состязательности. Возвращая дело прокурору по указанному основанию без учёта позиции сторон, суд в мотивировочной части своего решения должен будет указать, какие обстоятельства свидетельствуют о совершении лицом более тяжкого преступления, и тем самым определить задачи обвинительной власти, “пред-

писывая органам уголовного преследования..., в каком направлении следует осуществлять формирование и обоснование обвинения”<sup>36</sup>. Сложно представить, что такая позиция соответствует идее разграничения процессуальных функций обвинительной и судебной власти.

---

<sup>36</sup> Постановление Конституционного Суда РФ “По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248 и ч. 1 ст. 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Нижний Новгород” от 20 апреля 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 1999. № 17. Ст. 2205.